

ИСТОРИЯ

А.А. Корзинин

Студент 2 курса Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

К вопросу о русско-шведских отношениях в начале XVII в.

Данная статья представляет собой результат совместной научно-исследовательской работы в рамках сложившихся традиций интеллектуально-академической поддержки молодых ученых и преемственности. Предпринимается попытка, опираясь на уже созданный историографический задел, затронуть некоторые эпизоды, аспекты русско-шведских отношений в период Смутного времени. С этой целью авторы обращаются к одному из известных источников личного происхождения – сочинению П. Петрея, выступавшего участником и очевидцем политико-дипломатических и военных процессов начала XVII в.

Ключевые слова: Смутное время, П. Петрей, русско-шведские отношения, феномен самозванства, интервенция, Столбовский договор

Теоретический (историографический и источниковедческий) контекст

Смутное время как эпоха, находящаяся на рубеже позднего Средневековья и Нового времени, до сих пор остается одним из ведущих объектов исследований, приобретающих междисциплинарный – исторический, философский, политологический, культурологический характер. Это объясняется тем, что оно стало не просто периодом тяжелейшего внутреннего, сугубо российского национально-государственного кризиса, а имело далеко идущие последствия для мирового геополити-

ческого, культурно-идеологического пространства.

Польская и шведская интервенция надолго осложнила международную ситуацию, взаимоотношение с этими странами и их восприятие, обострив политико-имагологический конфликт, связанный с дихотомическим размежеванием по типу «мы-они», «свой-чужие». Этим обстоятельством, направленным на восстановление конструктивного коммеморативного баланса, продиктована актуальность дальнейшего обращение к конкретному срезу – русско-шведским отношениям в наиболее острую фазу генезиса и

эскалации их напряженности (1606-1617 гг.), репрезентации данных процессов через призму источников личного происхождения.

Основу источниковой базы настоящего исследования составляет сочинение / воспоминание шведского дипломата Петра Петрея «О начале войн и смут в Московии...» [12], который не раз посещал Россию. При этом статус его является дискуссионным и переменчивым. Как отмечал А.В. Толстик, «сказать что-либо определенное о том, в каком качестве Петрей впервые приехал в Россию, трудно. По всей видимости, он так или иначе выступал в качестве информатора, агента герцога Карла. Но что следует понимать под службой великому князю Московскому, упоминаемой лишь в 1620 г. в предисловии к немецкоязычной версии главного труда Петрея, – не ясно». И далее: «Предположение Ю.А. Лимонова о том, что Петрей прибыл в Россию под видом врача, – неправдоподобно, если учесть, как тщательно проверялись кандидатуры иноземных лекарей, которых намеревались пригласить в страну» [17, с. 131]. И лишь после 1607 г. Петрей фигурирует в качестве гонца к царю В.И. Шуйскому.

Произведение Петрея, как полагает С. Шокарев, было написано им в 1615 году, опиравшегося на свою «Реляцию», опубликованную еще в 1608 году. В 1620 году в Лейпциге его труд был переведен на немецкий язык, тем самым получив широкое распространение в Европе [24, с. 465-470]. Само сочинение состоит из отдельных 6 частей. В каждой главе шведский дипломат отдельно рассматривает историю и повседневную жизнь русских людей. Труд П. Петрея не избавлен от традиционных для зарубежной мемуаристики выражений тенденциозности и стереотипов, основанных на противопоставлении западной цивилизации «варварскому» укладу жизни обитателей Московии, что сопровождается преувеличением роли Швеции в делах Русского государства, наличием фактических неточностей и хронологических искажений. В то же время, несмотря на обозначенные недостатки шведского «эксперта по России», автора немало числа историко-пропагандистских сочинений и агента шведской короны» [18, с. 280], данный источник является незаменимым для реконструкции русско-шведских дипломатических и военно-политических отношений.

Данная проблематика рассматривалась как в отечественной – дореволюционной, советской, новейшей, так и зарубежной историографии. Среди дореволюционных авторов можно выделить В.Н. Татищева [16], труд В. О. Ключевского [5], специальное исследование К.И. Якубова [25]. Советская историография социально-политической конфликтологии начала XVII в. представлена работами И.И. Смирнова [15], И.С. Шепелева [23], И.П. Шаскольского [22], П.Г. Любомирова [10], отразившими типичную идеологическую тенденциозность в оценках отдельных феноменов Смутного времени, доминирование концепции «классовой борьбы». И.П. Шаскольский подробно рассматривает Столбовский мирный договор 1617 г. и русско-шведские торговые отношения в начале XVII столетия [22]. К этой же группе формально относится и опубликованная в 2000-е гг. монография Г.А. Замятина [2], чье историографическое наследие имело сложную судьбу и поэтому его можно рассматривать как связующее звено между разными интеллектуальными поколениями. [См.: 13].

В первой главе автор описывает историю борьбы Польши и Швеции за московский престол в 1612 – 1613 гг. Далее Г.А. Замятин анализирует взаимодействие Москвы со Швецией в период Смуты. Во второй главе он отдельно рассматривает осаду Пскова и борьбу за него между Москвой и Стокгольмом, также в этой главе он дает историческую справку этому событию и дает характеристику, сравнивая работы отечественных и зарубежных исследователей. Большое внимание он уделяет роли Карелии в русско-шведских отношениях, а также особо выделяет стойкость защитников Пскова в борьбе с оккупантами и военно-политическую историю самого города в начале XVII столетия.

Раскрывает Г.А. Замятин и другие сложные нюансы русско-шведской дипломатии. В конце другого исследования [1] Замятин подводит итог попыткам шведов в 1614 г. заставить новгородцев заключить унию [1, с. 452-453]. Эти три попытки (25 января, июль – август, 14 декабря 1614 г.) закончились провалом, что аннотируется и верифицируется в историографии: «Первый раз предложение было сделано верхушке новгородцев, затем шведы требовали присяги от всех жителей. В январе и летом шведы делали это предложе-

ние устно, а в декабре – письменно. Первый раз отказ новгородцев был напрямую связан с присутствием вблизи Новгорода московского войска. В августе, наоборот, на новгородцев оказали большое влияние разгром москвичей под Бронницами и давление со стороны прибывших из Выборга сторонников унии. Поэтому теперь новгородцы НЕ отказали шведским военачальникам решительным образом, а обратились с челобитной к королю с просьбой не принуждать их к унии» [13, с. 170-172].

Новейшая историография представлена исследованиями Л.Е. Морозовой [11], И.О. Тюменцева [19], В.И. Ульяновского [20], Е.И. Кобзаревой [4], Ю.А. Лимонова [6; 7; 8], Д.В. Лисейцева [9], А.М. Шалинского [21], уже упомянутого А.В. Толстикова [17; 18]. Заслуживает внимание труд историка-норманиста А.С. Кана [3]. В своей работе он рассматривает отношения России и Швеции с VIII века и заканчивая распадом СССР. Автор охватывает не только дипломатические, но и культурные, и гуманитарные связи между государствами.

О том, что многие сюжеты носят дискуссионный характер, свидетельствуют специальные историографические исследования. В статье А.А. Селина [14] представлен обзор и критика трудов ряда историков за последние несколько лет, в частности, работ Л.Е. Морозовой, у которой «невооруженным глазом можно выявить прежде всего идеологическую ангажированность (проявляющуюся, к примеру, в некритичном отношении к Новому летописцу, и гиперкритичном – к «Повести о Земском соборе»)» [14, с. 260]. Если говорить о зарубежной историографии, то деятельность П. Петрея затрагивал в своих исследованиях К. Таркиайнен [26].

Эскалация напряженности в русско-шведских отношениях: от сотрудничества к интервенции

Магистральным и принципиально важным событием, поворотным пунктом в русско-шведских отношениях, становится инициатива нового московского царя В.И. Шуйского, вынужденного в условиях военно-информационной опасности со стороны лагеря Лжедмитрия II, обратиться за помощью к Швеции. Вот как это описывает сам Петрей: «Великий князь отправил из Москвы своего родственника, племянника Михаила Скопина, собирать войско в Новгороде, сверх того посланника к <...> Карлу IX, ко-

ролю шведскому, <...> напомнить ему о старинном союзе, заключенном между Россией и Швецией в Тявзине в 1595 году» [12, с. 340]. Явно помощь Шведского королевства не была бескорыстной. В это время протестантская Швеция и католическая Польша вели ожесточенную конфронтацию, вызванную межрелигиозным конфликтом, протекавшим на европейском континенте, что осложнялось претензиями Сигизмунда III на русский престол. Поэтому можно сделать вывод, что для шведов было крайне важно не допустить усиления Речи Посполитой в этом регионе. 28 февраля 1609 года в Выборге был заключен договор. Для установления контакта со шведской стороной был послан племянник царя – Михаил Скопин-Шуйский [16, с. 324]. В ходе переговорного процесса встал вопрос о передаче Корелы с приграничными землями, который был включен в секретную часть договора [3, с. 87].

По условиям Выборгского договора, шведский король отправил в Россию графа Якова Делагарди с войском, численностью 5 тыс. человек: «...шведский король отправил в Россию, на помощь и выручку великому князю, благородного и знатного графа Якова Де ла Гарди, <...> в звании главнокомандующего, с войском из 5000 хорошо обученных и обмундированных шведских, финских и иностранных воинов, конных и пеших» [12, с. 341]. Кроме того, согласно секретному протоколу, русский царь обязывался передать шведской короне через 11 недель после вступления экспедиционного корпуса на русскую землю, Корелу и соседние владения, а также отказаться от территориальных претензий на Лифляндию и Эстляндию [3, с. 87].

И.С. Шепелев указывает другие данные о численности шведского войска. Он пишет, что по сведениям отписок Скопин-Шуйского, численность корпуса в мае 1609 года была 15 тыс. человек, эти сведения, как уточняет ученый, также подтверждаются дневниками Яна Сапеги [23, с. 450]. Автор указывает, что иностранные источники приводят очень разноречивые сведения о численности наемников. Этнический состав экспедиционной армии состоял из шведов, финнов и других иностранцев. Шведское войско активно стало продвигаться по русской земле, сдавалась одна крепость за другой. По настоянию племянника царя, Миха-

ила Скопин-Шуйского, Яков Делагарди не стал освобождать другие приграничные земли на севере страны, а сразу двинулся на Москву, чтобы снять осаду города Самозванцем [12, с. 341].

Проблема оплаты шведскому войску появилась перед Скопин-Шуйским в конце 1608-1609 гг. Согласно запискам Петра Петрея, В. Шуйский обещал выдавать шведскому полководцу – Якову Делагарди по 32 тыс. рублей в месяц: «Карл IX, благоволил помочь великому князю пятью тысячами конного и пешего войска, на жалованье великого князя; за то великокняжеские посланники от имени своего государя обещались правильно платить вспомогательному войску короля шведского и на его содержание выдавать шведскому полководцу сполна по 32000 рублей или по 10000 талеров в месяц» [12, с. 340].

В то же время, у В.Н. Татищева встречаются совсем другие цифры. Он утверждает, что за 5 тыс. пехоты и конницы, Шуйский должен был платить 2 тыс. рублей в месяц [16, с. 324]. Средств ни из государственной казны, ни из городской казны Новгорода не хватало. Часть денег удалось получить из северных городов, а также монастырей. Значительную помощь Скопин-Шуйскому смог оказать Соловецкий монастырь. На это так же указывает обращение В. Шуйского к игумену Соловецкого монастыря Антонию в конце 1609 года [21, с. 114-115]. А.М. Шалинский отмечает, что согласно Выборгскому договору, шведский корпус потребовал, чтобы ему заплатили жалование наперед. На это Скопин-Шуйский смог им предложить только 5 тыс. рублей и 3 тыс. соболиных шкур. Шведский король был готов взять временное содержание корпуса за свой счет, но за это требовал ряд приграничных территорий [21, с. 115]. Поэтому Карл IX приказал Делагарди всячески тормозить наступление, как бы под предлогом того, что 5 тыс. солдат недостаточно для нанесения удара под Тушино, а также ожидание возможного удара поляков в Лифляндии.

Серьезным препятствием для полноценного обеспечения переговорного процесса и его конструктивной результативности стал вопрос о финансировании корпуса Делагарди и другие априори невыполнимые материальные, территориальные претензии

шведской стороны. Исчерпанность ресурсов не оставляла никаких шансов для политико-дипломатического маневрирования, делая положение В.И. Шуйского еще более шатким и уязвимым в ходе наблюдавшейся стремительной самодискредитации, обнаружения неспособности обеспечивать равноправный диалог со шведами, к этому времени уже, фактически, парализовавших слабые и эфемерные «инициативы» утратившего легитимность царя.

После подтверждения Выборгского договора, шведское войско в апреле 1609 года прибыло в Новгород. Русско-шведское наступление на Москву, во главе со Скопин-Шуйским и Делагарди, началось с того, что шведский полководец послал вперед себя к Старой Руссе, отряд немецкого командира Эверта Горна. По свидетельству шведского дипломата Петрея – как только поляки узнали о подходе наемного корпуса, сразу же отступили и оставили город [12, с. 341]. Делагарди только под давлением Скопин-Шуйского, согласился идти на Старую Руссу. И.С. Шепелев указывает, что шведы, сперва хотели захватить приграничные города [23, с. 451-452], очевидно, для того, чтобы на случай неисполнения условий Выборгского договора о передаче Корелы, получить для себя гарантии в виде освобожденных ими земель, а также для оказания давления на русского царя. Петрей в своем сочинении, говорит о том, что Скопин-Шуйский торопил Делагарди выступить на Москву. Вот, что он пишет: «Без сомнения, и крепости Копорье, Ямы, Гдов и другие принуждены бы были передаться великому князю, если бы племянник его, Михаил Васильевич Скопин, не счел неудобным тратить на это время, но настоятельно просил и убеждал спешить на выручку великого князя и освободить его от осады» [12, с. 341].

Перед союзным войском выпало не мало испытаний в виде тяжелых сражений и осад, но с освобождением Твери, Дмитрова и снятием осады с Троицкого монастыря, дорога на столицу с севера, оказалась открыта, что имело как экономическое, так и военно-стратегическое значение [23, с. 504]. За время похода наемное русско-шведское войско освободило территорию между Финляндией и Москвой. По случаю снятия осады со столицы, Василий Шуйский, по утверждению

Петрей, приказал устроить пир, а также наградил офицеров одеждой и лошадьми [12, с. 350]. Также Татищев приводит сведения, что царь Василий выплатил наемному войску 10 тыс. рублей на 2 месяца вперед [16, с. 334].

Дальнейшие события показывают, что освобождением Москвы и снятие осады самозванца, не послужили конечной точкой для шведского экспедиционного корпуса в России. Как нам показывает Петрей, Василий Шуйский, после освобождения столицы просил Якова Делагарди продолжить поход на Смоленск, но полководец ясно дал понять, что не будет этого делать, т.к. жалование не было выплачено до конца его войску, а также не была передана, как было обещано по Выборгскому договору крепость Корела (Кексгольм). В конечном итоге, царь пошел на уступки, обещая ему денег, и не дожидаясь ответа шведского короля, военачальник вместе с братом царя Д.И. Шуйским двинулся на Смоленск [12, с. 351]. Эти же сведения подтверждает и В. Н. Татищев [16, с. 336].

Но дальше сведения расходятся и достаточно принципиально. П. Петрей указывает, что в решающей битве при Клушино 4 июля 1610 года, видя превосходство польских сил, русское войско не вмешивалось в битву, оставив на поле боя шведский корпус один на один с врагом, а затем трусливо отступило. Петрей пишет: «Что же сделали русские? Они поступили так же, как и под Тверью и Торжком: остались в своем обозе и загороди и были совершенно праздными зрителями боя до тех пор, пока неприятель не бросился на них со всеми силами; тогда они побежали с позором в Москву в сильных попыхах, до смерти заездили несколько сот лошадей и таким образом бросили шведов» [12, с. 353]. Но Татищев опровергает эти сведения. Он пишет, что наоборот корпус Делагарди и Эверта Горна предали русских и встали на сторону поляков, как отмечает автор, забыв тем самым свою присягу [16, с. 336-337]. Как замечает А. С. Кан, ландскнехты (пехота) готовы были дальше сражаться, только после выплаты жалования [3, с. 88]. Из этого можно сделать вывод, что царь Василий так и не выполнил условия договора, заключенного со шведским полководцем перед наступлением на Смоленск.

В своих записках Петр Петрей, почти не касается темы смерти Скопин-Шуйского, лишь вкратце упоминает это событие. Хотя это довольно интересный момент, т.к. В.Н. Татищев связывает отравление Михаила Васильевича с борьбой за престол [16, с. 335]. Как нам рассказывает шведский дипломат, после поражения под Клушино, Яков Делагарди с остатком войска выдвинулся в сторону Новгорода и, как он отмечает, новгородцы, вопреки ожиданиям шведов, встретили их враждебно. Автор сравнивает поведения русских с поведением животных и утверждает, что вторые, более чувствуют благодарности, нежели чем первые: «Но если русские уже так слепы, упрямы, ожесточены и не хотят учиться благодарности у людей, для убеждения себя их примером, хотя посмотрели бы они на неразумных животных и взяли их за образец себе. Животные не только благодарны, каждое по-своему, Господу Богу, их Создателю, но и людям, от которых получали какое-нибудь добро» [12, с. 354]. В исследовании В.Н. Татищева, говорится совсем об обратном. Он пишет, что шведы, во время своего отступления, грабили и убивали мирных людей, и видя такое варварское отношение «прежних союзников», государь стал просить помощи у Англии [16, с. 337].

После низвержения Василия Шуйского с царского престола, группа из семи бояр выбирает на царство сына польского короля Владислава, который так и не прибыл в столицу для торжественной коронации. Параллельно с этим, существовали еще три возможные кандидатуры на царский престол со стороны Шведского королевства – это сам шведский король Карл IX, наследный принц Густав Адольф или младший сын его – Карл Филипп.

П. Петрей указывает, что на царство Карл Филипп был приглашен по предложению московского воеводы Василия Бутурлина, который выступал от имени всех новгородских сословий, во время беседы с Яковом Делагарди. Второй немедленно поспешил сообщить об этом королю. Далее автор пишет, что между новгородцами и шведским вождем было заключено перемирие, но оно было нарушено. И в этом Петрей также обвиняет исключительно только российскую сторону. Он сообщает: «Между тем у него с Бутурлиным и новгородцами было заключе-

но перемирие на таких условиях, чтобы ни одна сторона не делала ничего враждебного относительно другой, чтобы шведские суда и лодки <...> могли свободно и беспрепятственно проходить мимо города Ладоги... <...>. Но эти статьи вовсе не были исполнены новгородцами. Они не позволили шведским судам и лодкам с припасами пройти мимо Ладоги, а когда шведы, согласно договору, без всякого насилия и своеволия стали искать себе пищи, на них вероломно напали казаки и стрельцы, посланные для того из Новгорода...» [12, с. 363-364].

Эти сведения опровергает Г. А. Замятин, утверждая, что предложение этой кандидатуры исходило исключительно от шведского полководца, который посылал письмо московским властям. Ученый вполне убедительно обосновывает это решение: он пишет, что после избрания Владислава на царство, Делгарди был обеспокоен возможностью образования унии между Речью Посполитой и Московским государством. Первая находилось в очень напряженных отношениях со Шведским королевством, вызванных межрелигиозным и династическим конфликтом, а также угрозой Католического мира во главе с Папой Римским, который стремится уничтожить православную веру. Это и побудило Шведское правительство на такое решение [2, с. 36-38].

Сравнивая сведения некоторых исследователей можно утверждать, что предложение об избрании сына шведского короля Карла Филиппа исходило от новгородцев, хотя до конца нельзя отрицать причастность Делгарди к этому событию, скорее напротив, он принимал активное участие в возможной пропаганде шведского кандидата, т.к. это было бы в интересах его страны и шведской короны.

Петр Петрей в своей работе указывает на попытку пойти на контакт с самозванцем Дмитрием, по поручению короля, с возможной целью заключения союза с ним, если он окажется настоящим наследником, который якобы был убит в Угличе: «Вскоре после того его королевское величество отправил в Ивангород меня, Петра Петрея <...>, с письмом и полномочием, также и со строгим приказанием, чтобы доподлинно разведать и узнать, действительно ли это первый Дмитрий, венчанный и помазанный в Москве, ко-

торому присягнул этот город со всеми русскими областями. Тогда его королевское величество подумает, каким образом пособить ему против врагов, чтобы он мог опять овладеть своими наследственными землями» [12, с. 361]. Эти же сведения подтверждает Татищев [16, с. 353].

Из этого следует, что шведский король искал дипломатические контакты с возможной легитимной властью в нашей стране, как он думал, пока в Москве находились поляки, чтобы не отдать всю России под власть Речи Посполитой. Потому что, если бы это произошло, то тогда бы Швеция получила бы сильнейшего соперника в Восточной Европе, что явно никак не могло отвечать шведским интересам, в условиях сильнейшей конфронтации с Польшей на Востоке и с Данией на Западе.

Как указывает Петрей, после смерти Карла IX на шведский престол взошел его старший сын Густав Адольф. Сам новоиспеченный король был занят войной с Данией и отправил своего брата в Выборг для обсуждения кандидатуры его брата с русскими условиями. Но, как пишет автор, вторые не явились на встречу, и как отмечает, герцог Карл Филипп, сам отправляет послов в Новгород, но не получает ответа. Далее, находясь в Выборге, он получает известие об избрании нового царя в Москве – М. Ф. Романова и обвиняет новгородцев в неверности к шведской оккупационной власти.

Петрей сообщает следующее: «...когда отняли опять Москву у поляков, они выбрали в великие князья себе Михаила Феодоровича Романова, легкомысленно пренебрегая прежним выбором шведского князя. Герцог позвал к себе новгородских посланников и дал им знать, что теперь на самом деле узнал неверность, ложь и непостоянство новгородских и других русских сословий...» [12, с. 370-371]. Шведский дипломат в очередной раз перекладывает всю вину за срыв переговорного процесса на Москву и Новгород.

Так или иначе, но все это привело к обострению русско-шведских политико-дипломатических отношений, что, следовательно, не могло не повлиять на затяжной характер военно-политической конфронтации, урегулировать которую, да и то, на предварительном уровне, не устраивавшем обе стороны, удалось только в 1617 году.

Столбовский мирный договор 1617 г. в ретроспективном зеркале

П. Петрей в своей работе приводит статьи мирного договора между Москвой и Стокгольмом: всего их 33. Шведский дипломат также указывает на посредническую работу в переговорном процессе англичан: «...это продолжалось до тех пор, пока присвоивший себе права великий князь и русские сословия не упростили великогомощного и высокородного государя Иакова, короля великобританского, и превосходительного господина генерала Стадена послать от себя знатных послов и дружескими увещаниями, чрез письма и гонцов, уладить эту вражду» [12, с. 373]. Эти же сведения подтверждает К.И. Якубов. Он пишет, что в 1616 году в селе Дедерино, начались первые приготовления к дипломатическим переговорам, в которых принимали активное участие не только англичане, но и голландцы [25, с. 1-4].

Как указывает шведский дипломат, после подписания мира, послы отправили ответ двум государям. В Москву шведский король послал Густава Штейнбока – барона в Кронбеке и Орестене, государственного советника Якова Якобсена Баата и секретаря Магнуса Мартенсена Пальма из Босто. Петрей не сообщает дату прибытия шведских послов в столицу, но пишет, что они пробыли в ней около 14 недель, при этом не имея возможности свободного перемещения по Москве. На прощание царь им послал несколько соболей, черных лисиц и куниц, а их челяди 30 рублей денег. В исследовании К.И. Якубова указывается дата прибытия шведских послов в Москву. Он пишет, что они прибыли 14 марта, но т.к. в это время было окончание великого поста, то государь не мог принять их в этот же день [25, с. 76-77].

В Стокгольм же царем были посланы: Федор Борятинский, Осип Прончищев и секретарь Богдан Кашкин, которые прибыли в шведскую столицу 5 июня 1617 года. 20 июня их в сопровождении королевского конвоя сопроводили в королевский замок, а 28 июня дипломаты имели встречу с королем.

Петрей описывает церемонию и порядок сопровождения в королевскую резиденцию. Он пишет, что после приветствия его величеству, шествие направилось к церкви в следующем порядке. «Сначала ехали верхом

два маршалка, господин Филипп Шединг, <...>, и господин Клаусе Горн, <...>; впереди них ехали трубачи, а позади 100 дворян, по двое друг за другом. После того шли пешком, также по двое, господа государственные советники, за ними его княжеская милость, герцог курляндский Вильгельм, после него государственные советники тоже пешком, а потом опять ехали верхом его княжеская милость Карл Филипп, <...>, за ним тоже верхом три русские посланника, а за ними следующие четыре государственные советника с королевскими регалиями и знаками верховной власти, пешком. Государственный канцлер с державою, господин Аксель Оксенштиерна, барон Кимита, владелец Фигольма и Тидена, дворянин. Государственный Адмирал со скипетром, господин Торге Гильденштерн, барон Биркезундт и Фегельвик, дворянин. Государственный маршал и главнокомандующий с мечом, господин Яков Де ла Гарди, граф Леккё, барон Экгольм, владелец в Колке, Киле и Рунзе, дворянин. Государственный главный стольник с короною, господин Магнус Брак, граф Визинбург, барон Ридбогальмский и Аксгальмский, дворянин. Потом явился его королевское величество с большою знатною свитою, а за ним следовали секретари и камергеры».

Далее Петрей описывает церемонию подписания: «Первый сел король, напротив его русские посланники, возле него стали их княжеские милости: герцог Карл Филипп и герцог курляндский Вильгельм. Господа государственные советники стали в порядке по обеим сторонам хор: сидели также архиепископ упсальский, доктор Петр Кениц и епископ выборгский Магнус Олай Элимей. <...> Потом государственный канцлер сказал русским послам следующие слова: «Его королевское величество желает соблюдать все, постановленное в мирном договоре, и скрепить его клятвою». Когда канцлер во всеуслышание прочитал договор, король с посланниками встал и положил палец на Библию, сказав: «Все это мы действительно исполним». Он приложил руку к грамоте и запечатал ее государственною печатью; государственный канцлер вручил ее послам, и потом все опять заняли свои места. <...> Перед отъездом его величество пожаловал в дар послам и товарищам их прекрасных ло-

шадей, в седлах и с уздами, с серебряною отделкою, несколько драгоценных позолоченных подносов и кубков, прекрасного и дорогого сукна, бархата, атласа и дамаста. После того с некоторыми дворянами они отвезены были на королевских, хорошо снаряженных военных кораблях в Выборг, и потом провожаемы были дальше с приличною почестью к границе».

Именно так нам сообщает шведский дипломат о процессе заверения обеими сторонами условий мирного договора [12, 386-390]. Столбовский мирный договор был подписан 27 февраля 1617 года, по которому были утрачены важные стратегические крепости на границе со Швецией. Россия почти на 100 лет теряла выход в Балтийское море и только в ходе Северной войны с подписанием Ништадтского мирного договора, Петром I будет «прорублено окно» не только в Европу, но и на Балтику, что будет иметь далеко идущие последствия для экономического роста и развития торговых отношений с европейскими странами, но и с американским континентом.

Политико-дипломатические отношения между Московским государством и Шведским королевством занимали важнейшее место в истории внешней политики России начала XVII века. Основной причиной сближения Москвы и Стокгольма было существование общего внешнего врага – Речи Посполитой. Но несмотря на это, дипломатическое взаимодействие не было доверительным и поэтому оставалось достаточно напряженным. Сложно сказать, какая сторона больше повлияла на ухудшение отношений, но, как нам показывает исторический опыт политико-дипломатических связей Москвы со странами Европейского континента, это было обусловлено прежде всего стереотипным мышлением, но также не знанием России, как таковой, европейцами.

Началом новой эпохи в русско-шведских отношениях стало подписание Столбовского мирного договора. Опираясь на него, Москва и Стокгольм получили возможность выстраивать свою внешнюю политику в рамках добрососедских отношений. Однако взаимное недоверие не позволяли Московскому государству и Шведскому королевству сразу после заключения мира под-

писать новый союзный договор против Речи Посполитой. В это время русскую и шведскую дипломатию больше интересовало решение территориальных споров.

Библиографический список:

1. *Замятин Г.А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // Новгородский исторический сборник: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др. СПб. ин-т истории РАН, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Новгород. музей-заповедник. Вел. Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 394-463.
2. *Замятин Г.Л.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. (Составитель: Коваленко Г.М.). СПб.: Европейский дом, 2008. 494 с.
3. *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.
4. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М.: ИРИ РАН, 2005. 454 с.
5. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступит. статья и комментарии А.Н. Медушевского. М.: Прометей, 1991. 334 с.
6. *Лимонов Ю.А.* «История о Великом княжестве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1967. Вып. 12. С. 260–269.
7. *Лимонов Ю.А.* Новые источники о Петре Петрее и его сочинении // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.: АН СССР, 1986. С. 99–101.
8. *Лимонов Ю.А.* Сочинение шведского историкографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб.: Наука, 1999. С. 104–113.
9. *Лисейцев Д.В.* Русско-шведские посольские связи в Смутное время начала XVII в.: Новые архивные находки // Россия и Швеция в средневековье и новое время: Архивное и музейное наследие / Под ред. А. В. Лаврентьева. М.: Государственный исторический музей, 2002. С. 86–93.
10. *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М.: Соцэкгиз, 1939. 352 с.

11. *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федорович. М.: Наука, 2005. 467 с.
12. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 151-465.
13. *Рабинович Я.Н.* Рецензия на монографию: Замятин Г.А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 г. // Исторический вестник. 2016. Т. 15. № 162. С. 160-172.
14. *Селин А.А.* Смутное время в историографии последних лет // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 255-262.
15. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606-1607. М.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
16. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах): Т.5, 6. История Российская: Репринт с изд. 1965-1966 гг. М.: Ладомир, 1996. 784 с.
17. *Толстиков А.В.* Петр Петрей в России (1601-1613 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2012. № 2. С. 129-142.
18. *Толстиков А.В.* Петр Петрей и шведская пропаганда в период Смуты // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 280-285.
19. *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 600 с.
20. *Ульяновский В.И.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.
21. *Шалинский А.М.* Отписки М.В. Скопин-Шуйского как источник по истории русско-шведских отношений начала XVII века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 112-123.
22. *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.-Л.: Наука, 1964. 220 с.
23. *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск: [б. и.], 1957. 560 с.
24. *Шокарев С.* Сочинения П. Петрея и И. Массы о Смутном времени // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 465-472.
25. *Якубов К.И.* Россия и Швеция въ первой половинѣ XVII вѣка. М.: Унив. тип., 1897. 508 с.
26. *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie // *Lychnos.* 1971–1972. Uppsala, 1973. S. 244-283.

© Корзинин А.А., Юдин К.А., 2022